

Глава 19. Экономический рост и дестабилизация современных социально-политических систем и институтов

Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Наши эмпирические тесты в общем и целом подтверждают обоснованность гипотезы Олсона – Хантингтона о наличии криволинейной перевернутой U-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-политической нестабильности. Согласно этой гипотезе, вплоть до определенного значения величины средних душевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его относительно высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данных рисков. Таким образом, для более высоких значений душевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная. Вместе с тем, наш анализ показал, что для разных индексов социально-политической дестабилизации данная криволинейная зависимость имеет достаточно разный характер. При этом выяснилось и наличие одного очень важного исключения. Мы показали, что между душевым ВВП и интенсивностью переворотов и попыток переворотов наблюдается не криволинейная, а явно выраженная отрицательная корреляция; при этом особенно сильной оказалась отрицательная корреляция между этим индексом и логарифмом ВВП на душу населения. Как мы выяснили, это обстоятельство делает вышеуказанную криволинейную зависимость применительно к интегральному индексу заметно менее выразительной и вносит очень заметный вклад в формирование ее асимметричности (когда отрицательная корреляция между душевым ВВП и социально-политической нестабильностью среди более богатых стран выглядит заметно более сильной чем положительная корреляция для стран более бедных). Вместе с тем наш анализ показал, что для всех остальных индексов социально-политической дестабилизации мы наблюдаем именно постулируемую гипотезой Олсона – Хантингтона криволинейную перевернутую U-образную зависимость. При этом, скажем, применительно к таким индексам, как политические забастовки, массовые беспорядки, и антиправительственные демонстрации мы имеем дело с асимметрией, прямо противоположной той, что упоминалась выше – с такой асимметрией, когда положительная корреляция между ВВП и нестабильностью для более бедных стран оказывается заметно более сильной, чем отрицательная корреляция для более богатых стран. Особенно сильно эта асимметрия оказывается выраженной для такого важнейшего индекса

социально-политической дестабилизации, как интенсивность антиправительственных демонстраций.

* * *

К настоящему времени имеется заметное число работ, посвященных изучению влиянию уровня экономического развития стран мира (измеряемого через такие показатели как валовой национальный доход или валовой внутренний продукт на душу населения) на уровень социально-политической дестабилизации. При этом многие работы отталкиваются от вроде бы вполне правдоподобного предположения о том, что чем выше уровень экономического развития того или иного региона, тем меньше вероятность возникновения гражданского конфликта (см., например: Parvin 1973; Weede 1981; MacCulloch 2004; Miguel, Satyanath, Sergenti 2004; MacCulloch, Pezzini 2010; DiGiuseppe, Barry, Frank 2012; Chapman, Reinhardt 2013; Knutsen 2014); подробный анализ этих работ см. в наших предыдущих публикациях: Коротаяев, Билюга, Шишкина 2016, 2017а, 2017б). С другой стороны, как было показано еще в классических работах М. Олсона (Olson 1963) и С. Хантингтона (Huntington 1968; Хантингтон 2004), между средним уровнем доходов на душу населения и социально-политической дестабилизацией существует не отрицательная корреляция, а криволинейная обратная U-образная зависимость¹: наиболее высокие риски дестабилизации имеют страны ни с самыми низкими, ни с самыми высокими, а со средними значениями доходов на душу населения².

Уже М. Олсон (Olson 1963) сформулировал достаточно полный список факторов, обуславливающих положительную корреляцию между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социально-политических системах, который мы приведем в крайне удачном, на наш взгляд, пересказе С. Хантингтона:

«Быстрый экономический рост

1) разрушает традиционные общественные группировки (семью, класс, касту) и тем самым увеличивает «численность деклассированных индивидов... которые поэтому оказываются в обстоятельствах, благоприятных для зарождения революционного протеста» (Olson 1963: 532);

2) порождает нуворишей, плохо адаптирующихся к существующему строю и плохо им ассимилируемых, но при этом претендующих на политическое влияние и социальный статус, соизмеримые с их новым экономическим положением;

3) повышает социальную мобильность, что тоже подрывает общественные связи, в частности, способствует ускоренной миграции из сельских районов в города, и тем самым способствует росту отчуждения и политического экстремизма³;

¹ Сам Хантингтон говорил о «колоколообразной» (*bell-shaped*) зависимости (Huntington 1968: 43; Хантингтон 2004: 61).

² См. также, например: Урнов 2008.

³ Отметим, что наши собственные исследования подтвердили значимую роль стремительной урбанизации в генерировании дестабилизации в модернизирующихся обществах (Гринин, Коротаяев 2009).

4) повышает число людей, чей уровень жизни снижается, и тем самым может увеличивать разрыв между богатыми и бедными;

5) у некоторой части людей ведет к абсолютному росту доходов, но не относительному, увеличивая этим их неудовлетворенность существующим строем;

6) требует общего ограничения потребления ради повышения капиталовложений, рождая этим общественное недовольство;

7) повышает грамотность, уровень образования, охват средствами массовой информации, что ведет к росту стремлений выше того уровня, на котором возможно их удовлетворение⁴;

8) обостряет региональные и этнические конфликты из-за распределения инвестиций и потребления;

9) расширяет возможности групповой организации и тем самым масштабы требований, предъявляемых группами правительству, до пределов, когда правительство оказывается неспособным их удовлетворять» (Хантингтон 2004: 66–67).

Мы выявили и несколько других факторов, обуславливающих наличие положительной корреляции между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социальных системах. Ряд этих факторов описан в нашей модели «ловушки на выходе из мальтузианской ловушки» (Коротаев, Гринин и др. 2010, 2011; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Зинькина 2010а, 2010б, 2011а, 2011б, 2011в, 2011г, 2012а; Коротаев 2012; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев, Малков 2014; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Korotayev, Zinkina *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014), которая вербально может быть описана следующим образом⁵:

1) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки⁶ (которое по определению означает и рост душевого ВВП) практически по определению означает и снижение смертности, а значит, и резкое ускорение темпов роста населения (что уже само по себе может вести к определенному росту социально-политической напряженности).

2) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки сопровождается особенно сильным уменьшением младенческой и детской смертности. Все это ведет к резкому росту пропорции молодежи в общей численности населения вообще и в численности взрослого населения в частности (так называемому «молодежному бугру»).

3) В результате наблюдается резкий рост пропорции той самой части населения, которая в наибольшей степени склонна к насилию, агрессии и ра-

⁴ Отметим, что наши собственные исследования подтвердили значимую роль роста образования в генерировании дестабилизации в модернизирующихся обществах (Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б, 2011в; Коротаев и др. 2012; Коротаев, Билюга, Шишкина 2017б; Korotayev, Zinkina 2011; Grinin, Korotayev 2012).

⁵ Когнитивную схему модели см. ниже на Рис. 1.

⁶ О понятии «мальтузианская ловушка» см., например: Кларк 2012; Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев, Малков 2008, 2010; Коротаев, Зинькина 2012а, 2013, 2014; Artzrouni, Komlos 1985; Clark 2007; Kögel, Prskawetz 2001; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Korotayev, Zinkina 2015).

дикализму, что уже само по себе выступает мощным фактором политической дестабилизации.

4) Быстрый рост общей численности молодежи требует кардинально увеличивать создание новых рабочих мест, что представляет очень сложную задачу. Всплеск же молодежной безработицы может иметь особо мощный политически дестабилизирующий эффект, создавая армию потенциальных участников («горючий материал») для всевозможных политических (и в том числе революционных) потрясений.

5) Выход из мальтузианской ловушки стимулирует мощный рост городского населения. Кроме того, вытеснение избыточного населения из деревни дополнительно усиливается бурным ростом производительности труда в сельском хозяйстве. Массированная миграция из деревни в город практически неизбежно порождает заметное количество недовольных своим положением, поскольку мигранты из деревни в первое время после переселения могут рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную малооплачиваемую работу и крайне посредственные (а зачастую и просто откровенно неудовлетворительные) жилищные условия.

6) Выход из мальтузианской ловушки в конечном счете достигается прежде всего за счет развития новых секторов и отмирания старых, за счет структурной перестройки, которая не может происходить полностью безболезненно. Во всех случаях старая традиционная квалификация работников утрачивает смысл, и, не имея новой современной квалификации, эти работники вынуждены наниматься на низкоквалифицированную работу (если им ее вообще удастся найти), что, конечно, не может не породить массового недовольства и служит серьезным фактором политической дестабилизации.

7) В города из деревни обычно мигрирует прежде всего именно молодежь. Таким образом, фактор «молодежного бугра» и фактор интенсивной урбанизации действуют совместно, производя в совокупности очень мощное дестабилизирующее воздействие. Особенно быстро растет численность именно молодой наиболее радикально настроенной части городского населения, при этом такая молодежь оказывается сконцентрированной в наиболее крупных городах/политических центрах.

8) Такая ситуация может привести к самой серьезной политической дестабилизации даже в условиях достаточно стабильного экономического роста. С особо высокой вероятностью политические потрясения наступают, если власть теряет авторитет в результате, скажем, военного поражения или в условиях затяжного экономического кризиса, пришедшего на смену экономическому подъему (впрочем, события Арабской весны показали в очередной раз, что даже это особо не обязательно).

Были выявлены и иные факторы, обуславливающие наличие положительной корреляции между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социальных системах:

1) рост средних подушевых доходов в авторитарных режимах ведет к усилению движения за демократию (Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Dahl 1971; Brunk, Caldeira, Lewis-Beck 1987; Rueschemeyer, Stephens, Stephens 1992;

Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Boix 2011), а значит и к определенной дестабилизации этих режимов. А так как в наших базах данных (как, впрочем, и в реальности) авторитарные государства составляют очень высокий процент от числа всех государств с низкими значениями подушевого дохода, эффект роста внутреннего давления на авторитарные режимы в сторону демократизации по мере экономического роста также в определенной степени объясняет положительную корреляцию между средними доходами на душу населения и интенсивностью социально-политической дестабилизации для слабо- и среднеразвитых стран (Коротаев, Билюга, Шишкина 2016, 2017а).

2) Переходы от последовательной автократии сразу же к консолидированной демократии крайне редки. Как правило, изначально движение в сторону демократии (особенно в экономически слаборазвитых странах) ведет к появлению не консолидированной демократии, а непоследовательно авторитарного или частично демократического – то есть промежуточного – режима. Соответственно, для стран с низкими значениями подушевого ВВП наблюдается достаточно сильная положительная корреляция между уровнем ВВП на душу населения и долей промежуточных режимов. Однако, как было показано уже давно, именно промежуточные политические режимы являются наиболее подверженными социально-политической дестабилизации. Так, еще в 1974 году Т. Р. Гурп (Gurr 1974) обратил внимание на то обстоятельство, что так называемые «полудемократии» являются наиболее подверженным дестабилизации типом режима. Это наблюдение получило развитие в работах, опирающихся на использование математического аппарата и баз данных, содержащих данные сведения о многих странах мира. Результатом подобных исследований стала теория об обратной U-образной зависимости типа режима и рисков политической дестабилизации. В соответствии с этой теорией более стабильными являются последовательные демократии и автократии, в то время как наиболее нестабильными являются промежуточные режимы (Gates *et al.* 2000; Goldstone *et al.* 2000, 2010; Goldstone 2014; Mansfield, Snyder 1995; Marshall, Cole 2008; Ulfelder, Lustik 2007; Vreeland 2008). Подтвердили эту закономерность и исследования отечественных ученых (Гринин, Коротаев 2012, 2013, 2014; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Малков и др. 2013; Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Коротаев и др. 2016; Grinin, Korotayev 2012, 2014; Korotayev *et al.* 2013, 2014; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015). В средних и высоких интервалах подушевого ВВП наблюдается выраженная тенденция к вытеснению промежуточных режимов демократическими, а значит, повышенная доля наиболее политически нестабильных промежуточных режимов характерна для обществ со средними значениями ВВП, что является еще одним существенным фактором, обуславливающим наличие перевернутой U-образной зависимости между подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации.

Таким образом, вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данного показателя. В результате для более высоких значений подушевого дохода характерна отрица-

тельная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная (Olson 1963; Huntington 1968: 39–50; Хантингтон 2004: 57–67). Проведенные нами ранее эмпирические тесты с использованием данных по ВВП на душу населения подтвердили наличие данной перевернутой U-образной зависимости (Коротаев, Исаяев, Васильев 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016, 2017а, 2017б; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015).

Вместе с тем, как было показано нами ранее (Коротаев, Билюга, Шишкина, 2017б), общая перевернутая U-образная корреляция между подушевым ВВП и суммарным уровнем социально-политической дестабилизации является достаточно невыразительной. Проведенная нами ранее прямолинейная проверка гипотезы о наличии криволинейной U-образной зависимости между ВВП на душу населения и интегральным уровнем социально-политической дестабилизации CNTS⁷ в общем и целом ее подтвердила, но корреляция оказалась хотя и в предсказанном направлении (то есть перевернутой U-образной), а также статистически значимой, но крайне слабой (см. Рис. 19.1):

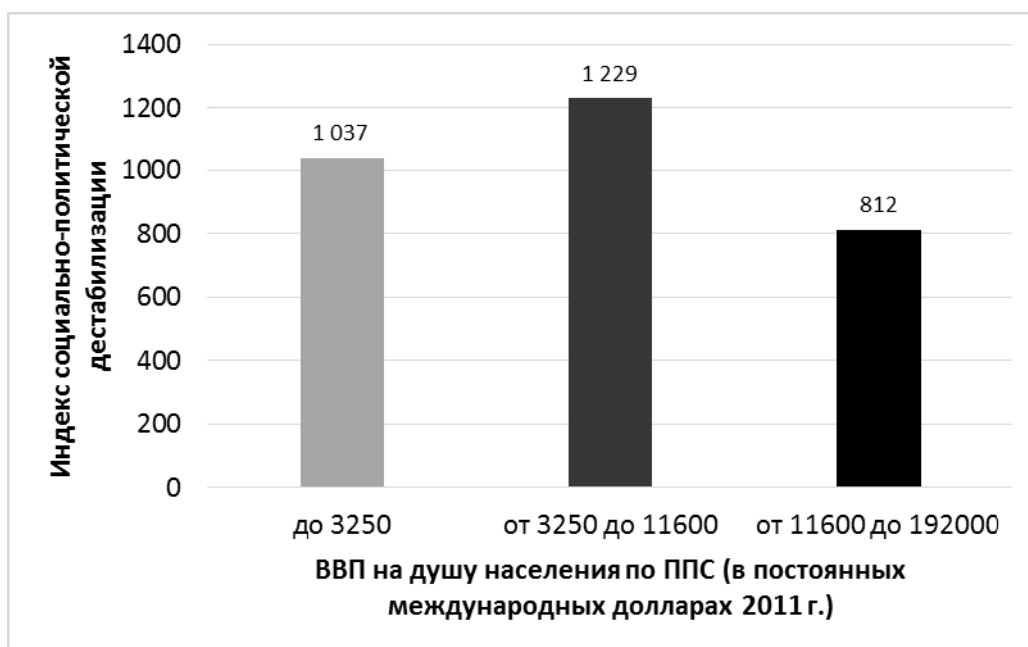

Рис. 19.1. Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации по тертилям ВВП на душу населения в долларах США по ППС за период 1960-2014 гг.⁸

Источник: Коротаев, Билюга, Шишкина, 2017б.

⁷ Описание материалов и методики расчета данного индекса приводится в приложении к данной статье.

⁸ Примечание: $F = 5,109$, $p = 0,006$.

При этом U-образная зависимость получается достаточно асимметричной: отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем социально-политической дестабилизации для второго и третьего тертиля заметно более выражена ($t = 2,617$, $p = 0,0045^9$), чем положительная корреляция для первого и второго тертиля ($t = 1,775$, $p = 0,038^{10}$). Близкие результаты дает и ANOVA-анализ. В целом, получилось, что если в наиболее экономически развитых обществах верхнего тертиля средний уровень социально-политической дестабилизации достаточно заметно (на 34 %) и однозначно значимо статистически меньше чем в среднеразвитых обществах срединного тертиля, то в среднеразвитых обществах срединного тертиля средний уровень социально-политической нестабильности оказывается в среднем лишь на 18,5 % выше, чем в наименее экономически развитых обществах нижнего тертиля. И последнее отличие оказывается лишь маргинально значимо статистически.

Так что же получается, что по сути своей Олсон и Хантингтон были неправы, когда они утверждали, что в модернизирующихся обществах экономический рост является мощным дестабилизирующим фактором? Получается, что на самом деле речь идет лишь о крайне слабеньком факторе, находящемся на грани статистической незначимости? Как мы увидим ниже, подобный вывод должен рассматриваться как в высшей степени преждевременный.

Тесты

Дело в том, что в некоторой степени использованный нами ранее интегральный индекс социально-политической дестабилизации CNTS является «средней температурой по больнице», так как разные его составляющие нередко оказываются разнонаправленными и за вялой общей динамикой индекса нередко скрывается очень даже выраженная динамика составляющих.

Начнем с того, что не все составляющие интегрального индекса U-образно коррелируют с подушевым ВВП, а у тех, что демонстрируют такую корреляцию, точка перегиба приходится на разные участки общего спектра подушевого ВВП.

Главным исключением здесь является переменная *domestic7* («Перевороты и попытки переворотов»¹¹), которая демонстрирует явно выраженную отрицательную корреляцию с подушевым ВВП (см. Рис. 19.2):

⁹ Односторонний тест значимости.

¹⁰ Односторонний тест значимости.

¹¹ Отметим, что в самой CNTS данная переменная обозначена как *Revolutions*. Однако при этом дается следующее определение: «Любое нелегальное или насильственное изменение верхушки правящей элиты, любая попытка такого изменения, или любое успешное или неуспешное вооруженное восстание, направленное на достижение независимости от центрального правительства» (Wilson 2017: 13). Нетрудно видеть, что данное определение охватывает не только и не столько собственно революции, сколько перевороты и попытки переворотов, а анализ конкретных событий, включенных в CNTS под этой рубрикой, явно показывает, что, число зафиксированных здесь переворотов и попыток переворотов здесь многократно превосходит число не только собственно революций, но и национально-освободительных восстаний/сепаратистских мятежей. Таким образом, динамика CNTS *domestic7* отражает прежде всего именно динамику переворотов и попыток переворотов.

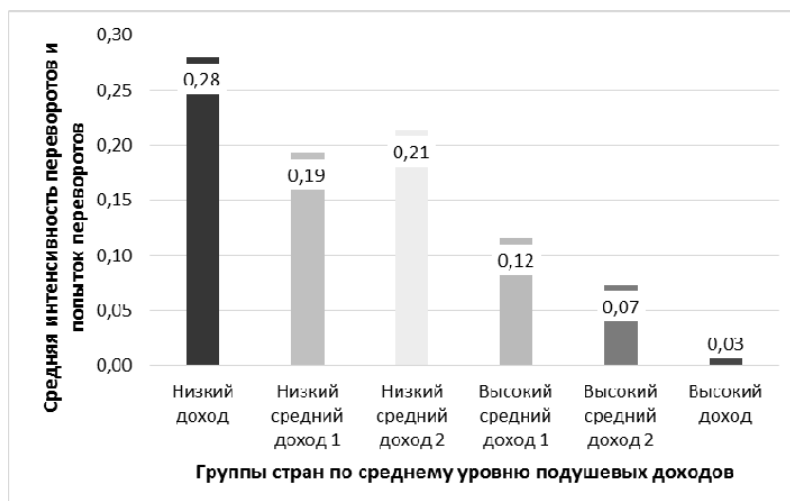

Рис. 19.2. Средняя интенсивность переворотов и попыток переворотов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Как мы видим, для данной переменной наблюдается явно выраженная тенденция к снижению ее интенсивности по мере роста подушевого ВВП. То, что речь здесь идет реально об откровенно сильной отрицательной корреляции становится явно при разбивке всех содержащихся в базе данных случаев не на секстили, а на децили (см. Рис. 19.3):

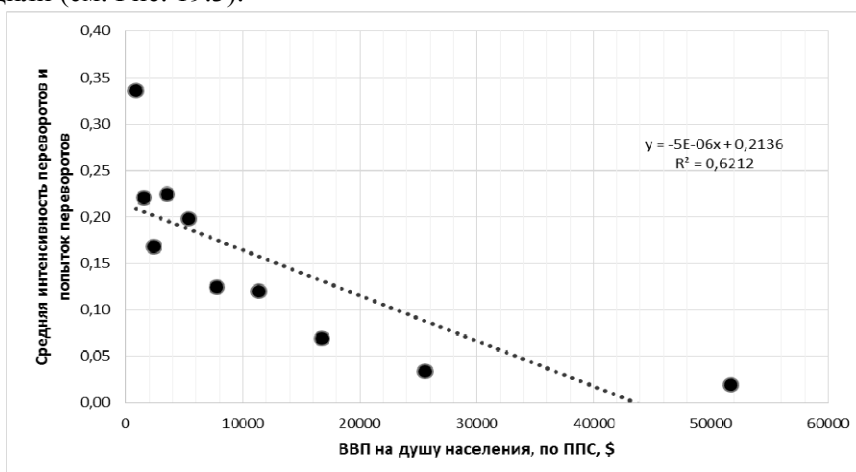
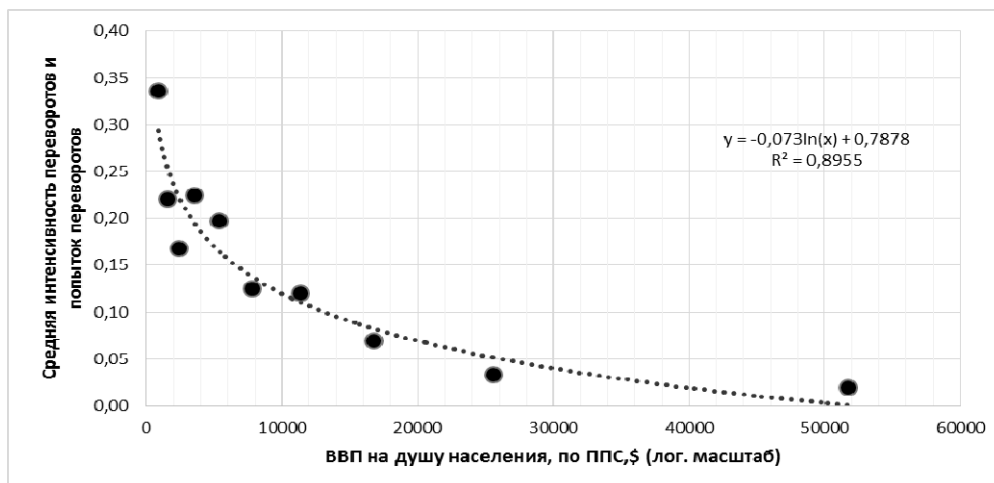

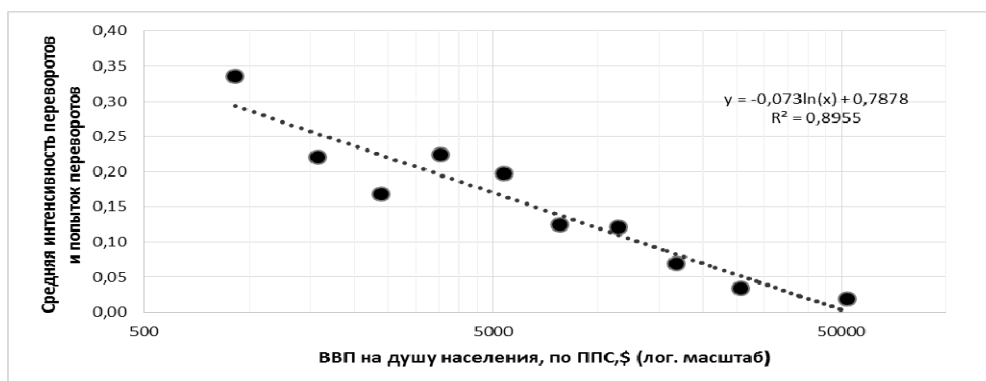
Рис. 19.3. Корреляция между ВВП на душу населения для стран в долларах США по ППС и интенсивностью переворотов и попыток переворотов на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)¹²

¹² Примечание: децили по ВВП на душу населения включают следующие значения: 1-й дециль – до 1294 долларов; 2-й дециль – от 1294 долларов США до 1932 долларов США; 3-й дециль – от 1932 долларов США до 2890 долларов США; 4-й дециль – от 2890 долларов США до 4324 долларов США; 5-й дециль – от 4324 долларов США до 6471 долларов США; 6-й дециль – от 6471 долларов США до 9337 долларов США; 7-й дециль – от 9337 долларов США до 13758 долларов США; 8-й дециль – от 13758 долларов США до 20479 долларов США; 9-й дециль – от 20479 долларов США до 32275 долларов США; 10-й дециль – более 32275 долларов США.

Как мы видим, между уровнем ВВП на душу населения и интенсивностью государственных переворотов и их попыток наблюдается откровенно сильная линейная отрицательная корреляция. Вместе с тем надо отметить, что линейная регрессия существенно занижает реальную силу отрицательной корреляции в данном случае, так как более внимательный анализ показывает, что интенсивность государственных переворотов реально коррелирует не с натуральным значением подушевого ВВП, а с его логарифмом (см. Рис. 19.4):

(а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

(б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 19.4. Корреляция между ВВП на душу населения для стран в долларах США по ППС и интенсивностью переворотов и попыток переворотов на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Мы, конечно, имеем здесь дело с исключительно интересной закономерностью. Действительно, представляется совсем не случайным, что в отличие от практически всех других форм социально-политической дестабилизации интенсивность государственных переворотов проявляет очень выраженную тенденцию к спаду по мере модернизации и экономического роста. Ведь перевороты пред-

ставляют собой исключительно архаическую форму социально-политической дестабилизации, широко засвидетельствованную уже в догосударственных обществах (см., например: Earle 1997), – в отличие от таких ее форм, как, скажем, политические забастовки или антиправительственные демонстрации, только возникающих по сути дела в процессе модернизации. Выявленная нами выше отрицательная корреляция безусловно заслуживает специального изучения, но это, к сожалению, выходит за рамки данной работы. Для нас же здесь существенно то обстоятельство, что данная отрицательная корреляция вносит очень существенный вклад в ослабление U-образного характера зависимости общего индекса социально-политической дестабилизации CNTS от душевого ВВП во многом из-за того, что при разработке методики подсчета интегрального индекса социально-политической дестабилизации создатели CNTS присвоили переворотам и попыткам переворотов максимальный вес – значительно больший, чем у любой другой составляющей дестабилизации. В результате, рассматриваемая нами отрицательная корреляция очень существенно понижает силу положительной корреляции в левой части спектра душевого ВВП и заметно увеличивает силу отрицательной корреляции в его правой части, что во многом и создает эффект явно выраженной асимметрии U-образной зависимости, когда положительная корреляция между душевым ВВП и интегральным индексом социально-политической дестабилизации CNTS для слабо- и средне-развитых обществ оказывается заметно слабее отрицательной корреляции для высокоразвитых обществ. При этом, как мы увидим ниже, для массовой социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» характер асимметрии оказывается прямо противоположным.

Дополнительную лепту здесь вносит такая составляющая интегрального индекса социально-политической дестабилизации, как «репрессии» (*domestic purges*) (см. Рис. 19.5):

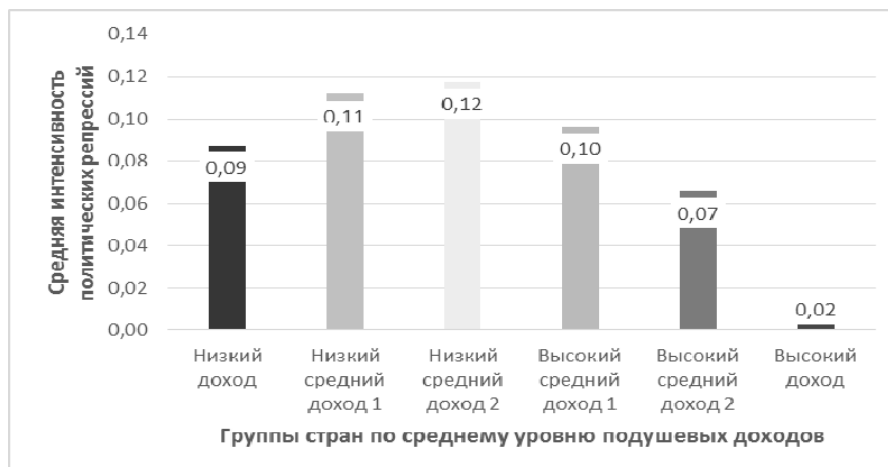

Рис. 5. Средняя интенсивность политических репрессий по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Как мы видим, для этого специфического индикатора социально-политической дестабилизации характерна очень слабая положительная корреляция в ин-

тервале более низких значений подушевого ВВП (вплоть до \$6500, то есть границы между «низкими средними» и «высокими средними» доходами), и довольно сильная отрицательная корреляция для более высоких значений, что, конечно, дополнительно ослабляет общую перевернутую U-образную корреляцию, значительно усиливая ее асимметрию и сдвигая ее в сторону общей отрицательной корреляции.

Однако для других индикаторов социально-политической дестабилизации положительная корреляция в левой части спектра выражена значительно сильнее.

Достаточно сильная положительная корреляция наблюдается для интервала вплоть до границы между «низкими средними» и «высокими средними» доходами (то есть примерно 6500 долларов) для политических убийств¹³ и «партизанских действий»/террористических актов¹⁴ (см. Рис. 19.6 и 19.7):

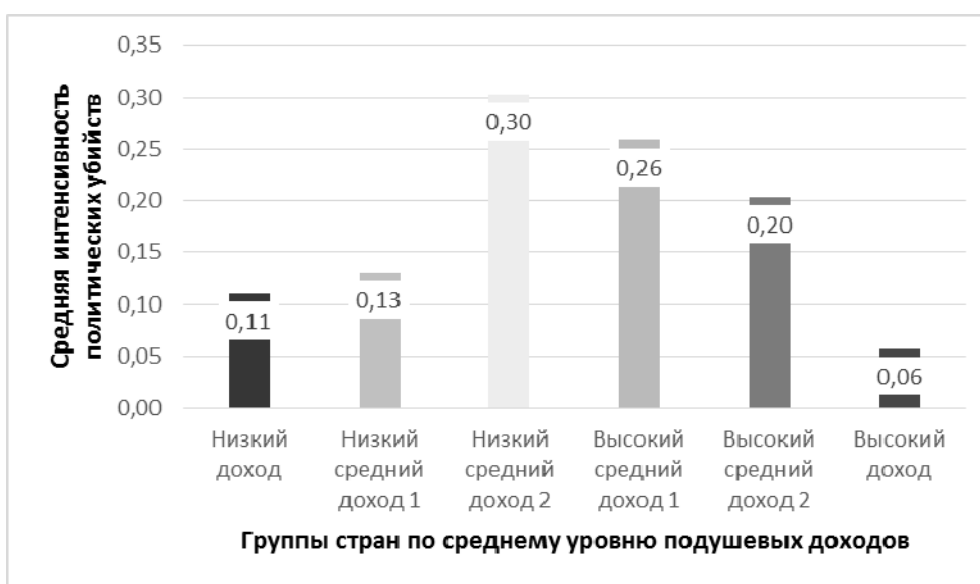

Рис. 19.6. Средняя интенсивность политических убийств по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

При этом, как мы видим, второй (и даже чуть более высокий) пик интенсивности «партизанских действий»/террористических актов приходится на второй интервал «высоких средних доходов» (12–23 тыс. долларов).

¹³ CNTS domestic 1 = *Assassinations*.

¹⁴ CNTS domestic 3 = *Guerrilla Warfare*.

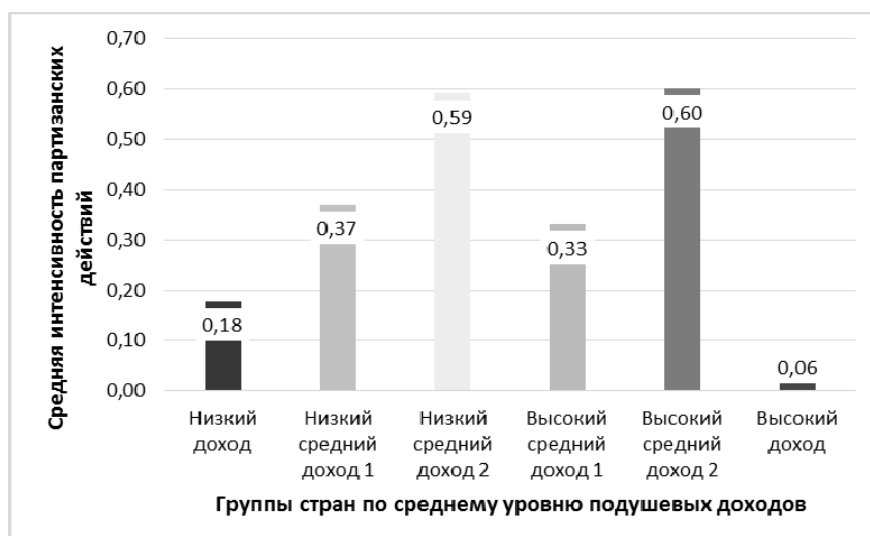

Рис. 19.7. Средняя интенсивность «партизанских действий»/террористических актов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Еще на более широком интервале прослеживается устойчивая положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью политических забастовок¹⁵ (при этом положительная корреляция в левой части спектра оказывается здесь заметно более выраженной, чем отрицательная в его правой части) (см. Рис. 19.8):

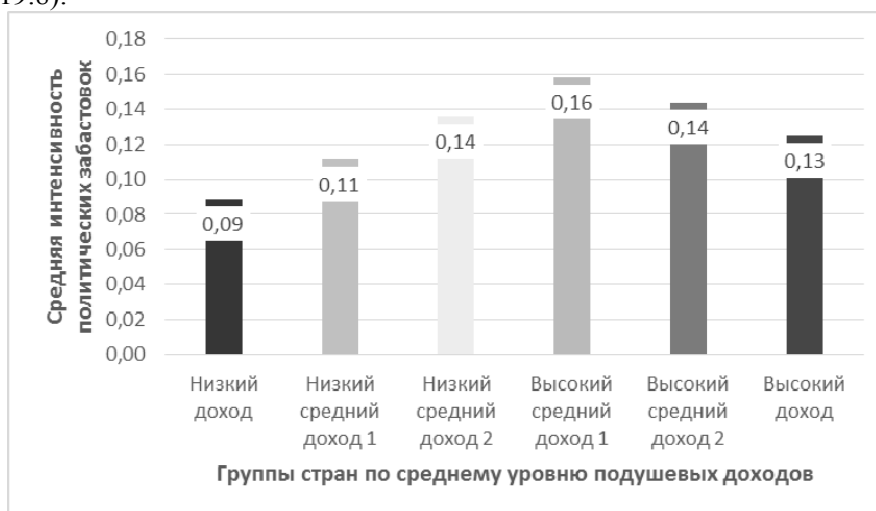

Рис. 19.8. Средняя интенсивность политических забастовок по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Наконец, для правительственных кризисов¹⁶, массовых беспорядков¹⁷ и антиправительственных демонстраций¹⁸ положительная корреляция прослеживается

¹⁵ CNTS domestic 2 = *General Strikes*.

¹⁶ CNTS domestic 4 = *Major Government Crises*.

вплоть до границы между «высокими средними» и «высокими» доходами (около 23 тыс. долларов) (см. Рис. 19.9–19.11):

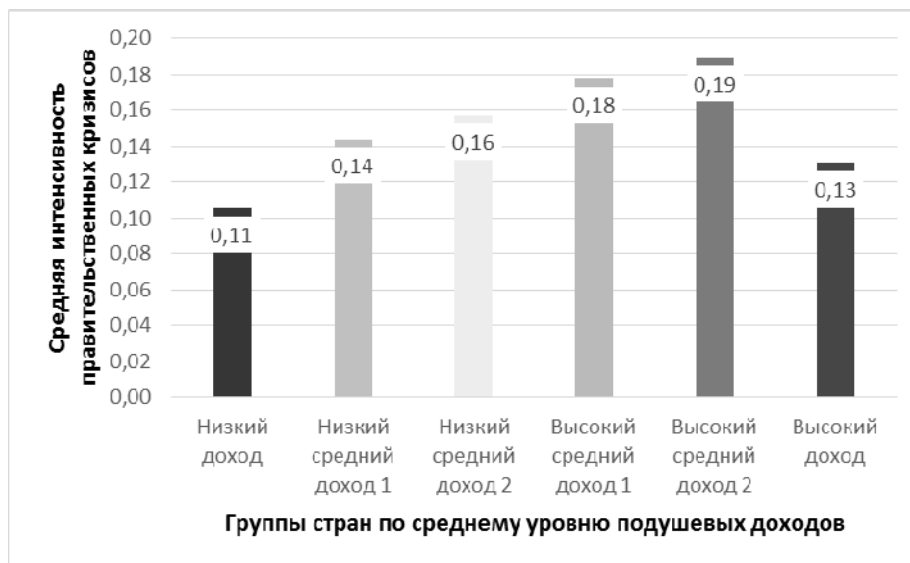

Рис. 19.9. Средняя интенсивность правительственных кризисов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

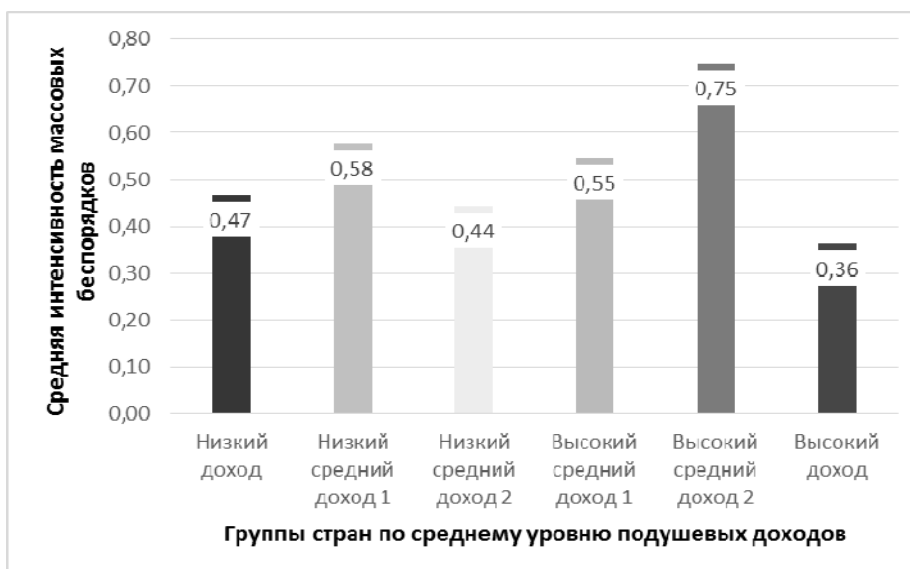

Рис. 19.10. Средняя интенсивность массовых беспорядков по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

¹⁷ CNTS domestic 6 = Riots.

¹⁸ CNTS domestic 8 = Anti-government Demonstrations.

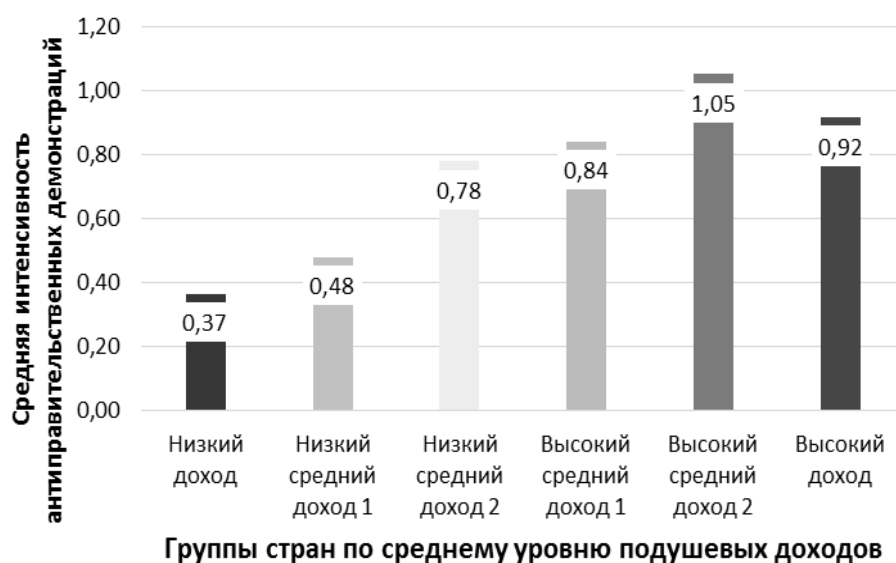
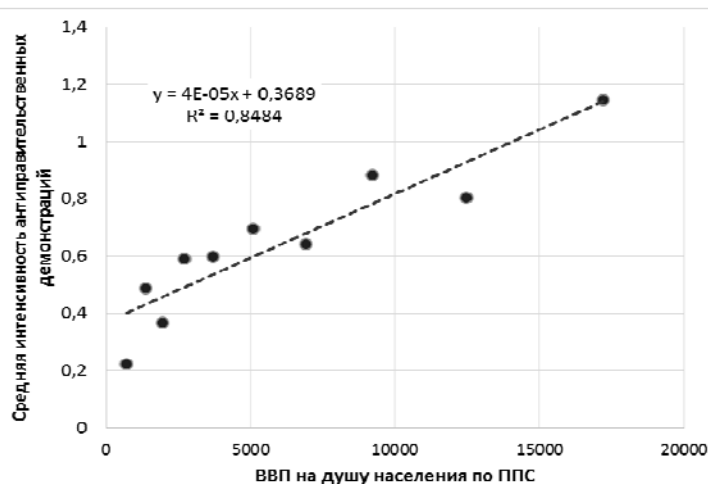

Рис. 19.11. Средняя интенсивность антиправительственных демонстраций по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

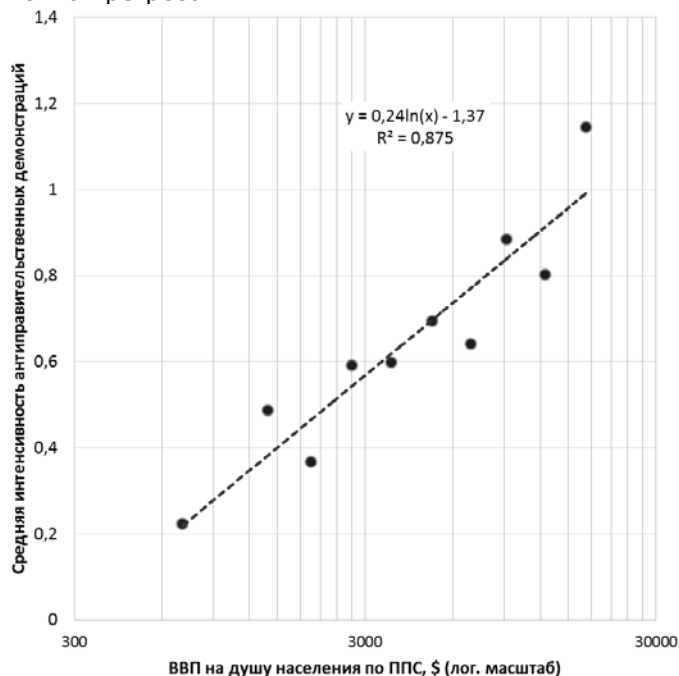
Отметим, что как было показано нами ранее (Коротаев, Билюга, Шишкина, 2016, 2017а, 2017б), в обширной зоне значений ВВП на душу населения (вплоть до 20 тыс. долларов 2014 года по ППС) корреляция между уровнем ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций является откровенно сильной ($r = 0,921$, $R^2 = 0,848$) и безусловно статистически значимой ($p = 0,0002$) (см. Рис. 19.12а).

При этом, примечательно, что, как и в случае с отрицательной корреляцией с переворотами и попытками переворотов особенно высокой ($r = 0,935$, $R^2 = 0,875$) оказывается положительная корреляция между интенсивностью антиправительственных демонстраций и логарифмом ВВП на душу населения¹⁹ (см. Рис. 19.12а).

¹⁹ Примечательно, что сила положительной корреляции в данном случае оказалась вполне сопоставимой с силой обнаруженной нами выше отрицательной корреляцией применительно к переворотам и попыткам переворотов.

(а) с натуральной шкалой по оси абсцисс и наложенным контуром линейной регрессии

(б) с натуральной шкалой по оси абсцисс и наложенным контуром линейной регрессии

Рис. 19.12. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом до 20 тыс. долларов США по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенными контурами (а) линейной и (б) логарифмической регрессии)²⁰

²⁰ Средние значения интенсивности антиправительственных демонстраций для децилей.

При этом в среднем интервале значений подушевого ВВП эта корреляция оказалась реально отсутствовавшей ($R^2 = 0,002$, $p = 0,916$), а в верхнем интервале мы предсказуемым образом имеем дело с отрицательной корреляцией; при этом данная корреляция хотя и значима статистически ($p = 0,037$), но довольно слаба ($R^2 = 0,343$) в особенности в сопоставлении с очень сильной положительной корреляцией в нижнем диапазоне значений подушевого ВВП (Коротаев, Билюга, Шишкина 2017б).

Заключение

Итак, наши эмпирические тесты в общем и целом подтверждают обоснованность гипотезы Олсона – Хантингтона о наличии криволинейной перевернутой U-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-политической нестабильности. Вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данного показателя. Таким образом для более высоких значений подушевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная.

Вместе с тем, наш анализ показал, что для разных индексов социально-политической дестабилизации данная криволинейная зависимость имеет достаточно разный характер. При этом выяснилось и наличие одного очень важного исключения. Мы показали, что между подушевым ВВП и интенсивностью переворотов и попыток переворотов наблюдается не криволинейная, а явно выраженная отрицательная корреляция; при этом особо сильной оказалась отрицательная корреляция между этим индексом и логарифмом ВВП на душу населения. Как мы выяснили, это обстоятельство делает вышеуказанную криволинейную зависимость применительно к интегральному индексу заметно менее выразительной и вносит очень заметный вклад в формирование ее асимметричности (когда отрицательная корреляция между подушевым ВВП и социально-политической нестабильностью среди более богатых стран выглядит заметно более сильной чем положительная корреляция для стран более бедных). Вместе с тем наш анализ показал, что для всех остальных индексов социально-политической дестабилизации мы наблюдаем именно постулируемую гипотезой Олсона – Хантингтона криволинейную перевернутую U-образную зависимость. При этом, скажем, применительно к таким индексам, как политические забастовки, массовые беспорядки, и антиправительственные демонстрации мы имеем дело с асимметрией, прямо противоположной той, что упоминалась выше – с такой асимметрией, когда положительная корреляция между ВВП и нестабильностью для более бедных стран оказывается заметно более сильной, чем отрицательная корреляция для более богатых стран. Особенно сильно эта асимметрия оказывается выраженной для такого важнейшего индекса социально-политической дестабилизации, как интенсивность антиправительственных демонстраций.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Описание и методология Cross National Time Series (CNTS)

База данных *The Cross National Time Series (CNTS)* является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом (Banks, Wilson 2015; Wilson, 2017) в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержится около 200 переменных, для более чем 200 стран. База данных содержит годовые значения переменных, начиная с 1815 г. В базе данных исключены периоды двух мировых войн 1914–1918 и 1939–1945 гг.

База данных *CNTS* структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, по военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

В данной работе мы подробно рассматриваем раздел данных, описывающих внутренние конфликты (раздел *domestic*), которые основаны на анализе событий по 8 различным подкатегориям:

1. Политические убийства (*Assassinations, domestic1*).
2. Политические забастовки (*General Strikes, domestic2*).
3. Партизанские действия (*Guerrilla Warfare, domestic3*).
4. Правительственные кризисы (*Government Crises, domestic4*).
5. Политические репрессии (*Purges, domestic5*).
6. Массовые беспорядки (*Riots, domestic6*).
7. «Революции²¹» (*Revolutions, domestic7*).
8. Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations, domestic8*).

В этом разделе представлены данные, начиная с 1919 г.

К «Политическим убийствам» (*Assassinations, domestic1*) относятся любые политически мотивированные убийства или покушения на убийства высших правительственных чиновников или политиков.

К «Политическим забастовкам» (*General Strikes, domestic2*) относятся забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

К «Партизанским действиям» (*Guerrilla Warfare, domestic3*) относятся любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима.

²¹ В реальности скорее перевороты и попытки переворотов.

К «Правительственным кризисам» (*Government Crises*, domestic4) относятся любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима – за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

К «Политическим репрессиям» (*Purges*, domestic5) относится любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

К «Массовым беспорядкам» (*Riots*, domestic6) относятся любые выступления или столкновения, связанные с использованием насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

К «Революциям» (*Revolutions*, domestic7) относятся любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или попытки переворотов. Переменная «Революции» также учитывает все удачные и неудачные вооруженные восстания, целью которых является получение независимости от центрального правительства. Отметим, что название этой переменной («Революции») в очень заметной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в реальности здесь речь в большинстве случаев идет не о революциях в обычном понимании (нашу сводку определений революции см., например, в: Гринин, Исаев, Коротаев 2015), а скорее о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и будем обозначать данную переменную в данной статье.

К «Антиправительственным демонстрациям» (*Anti-Government Demonstrations*, domestic8) относятся любые мирные публичные собрания, в которых принимает участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств.

Все перечисленные 8 подкатегорий используются при построении общего индекса социально-политической дестабилизации (domestic9). Для этого составители базы данных *CNTS* присвоили каждой подкатегории определенный вес (см. таблицу 1).

Таблица 1. Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (domestic9)
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	domestic1	25
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	domestic2	20
Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	domestic3	100
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	domestic4	20
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	domestic5	20

Окончание Табл. 1

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (domestic9)
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	domestic6	25
Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	domestic7	150
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	domestic8	10

Индекс социально-политической дестабилизации (*Weighted Conflict Measure*, domestic9) рассчитывается как сумма произведений численных значений подкатегорий и соответствующих им весов, умножается на 100 и делится на 8 (см. формулу (1)).

$$domestic9 = \frac{25 domestic1 + 20 domestic2 + 100 domestic3 + 20 domestic4 + 20 domestic5 + 25 domestic6 + 150 domestic7 + 10 domestic8}{8} \cdot 100 \quad (1)$$

Описание и методология расчета независимых факторов

Погодовые значения ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в постоянных долларах 2011 года были использованы согласно базе данных Всемирного Банка (World Bank 2016a).

Для восстановления рядов данных с 1960 по 1990 г. был использован показатель роста ВВП на душу населения (World Bank 2016b). В итоге, для тестирования гипотез были использованы данные с 1960 по 2015 гг.

По значениям ВВП на душу населения по ППС были агрегированы группы стран по категориям доходов (на основе оптимизации методологии Всемирного Банка (World Bank 2016c, 2016d) к рассматриваемому показателю).

На 2016 фискальный год Всемирный банк выделял следующие группы стран по критерию средних уровней доходов на душу населения:

- страны/экономики с низкими доходами (*low-income economies/countries*) – с валовым национальным доходом (ВНД) на душу населения до 1045 долларов²²;
- страны/экономики низкого уровня среднего дохода (*lower middle-income economies/countries*) – с 1046 по 4125 долларов валового национального дохода на душу населения;
- страны/экономики высокого уровня среднего дохода (*upper middle-income economies/countries*) – с 4126 по 12735 долларов на душу населения;
- страны/экономики с высокими доходами (*high-income economies/countries*) – с валовым национальным доходом на душу населения более 12 735 долларов (World Bank 2016d, 2016e).

²² Отметим, что при этом расчет ведется по специальной методике, известной как *Atlas method* (описание этой методики см.: World Bank 2016c).

Однако использование этой широко признанной классификации напрямую в нашем исследовании оказалось связано с двумя следующими проблемами:

1) в отличие от данных по ВВП, в базе данных Всемирного банка оказалось слишком большое количество невосстановимых пропусков для ВНД (в особенности для периода до 1980 г.); в силу этого в нашем случае оказалось более целесообразным взять за основу классификации данные не по подушевому ВНД, а по подушевому ВВП (которые нам удалось восстановить для подавляющего большинства стран на весь период 1960–2015 гг.);

2) деление стран мира по вышеупомянутой классификации Всемирного банка оказывается слишком неравномерным. Действительно, и на страны с высокими доходами, и на страны с низкими доходами, приходится примерно по миллиарду человек (что неплохо соответствует, с одной стороны, популярной в России идее «золотого миллиарда», а с другой – «нижнему миллиарду» (*the bottom billion*) П. Коллиера [Collier 2007]). На страны со средними доходами оказывается приходящимся все остальное население мира – около пяти миллиардов человек! Эта проблема была частично решена Всемирным банком путем разбивки стран со средними доходами на две категории – «страны с низкими средними доходами» и «страны с высокими средними доходами». Но и это решило вышеуказанную проблему лишь частично, ведь на каждую из двух последних категорий приходится больше населения, чем на страны с высокими и низкими доходами вместе взятыми.

Для решения этой проблемы страны (а точнее «страногоды») мира в период 1960–2015 были сгруппированы нами в следующие шесть секстелей по ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (в постоянных долларах 2011 года):

Секстель 1 – до 1 660 долларов.

Секстель 2 – 1 660–3 280 долларов.

Секстель 3 – 3 280–6 470 долларов.

Секстель 4 – 6 470–12 100 долларов.

Секстель 5 – 12 100–23 600 долларов.

Секстель 6 – более 23 600 долларов.

При этом на 2014 год корреляция между выделенными нами секстилями и группами стран по доходам согласно классификации Всемирного банка оказалась выглядящей следующим образом (см. Табл. 2):

Таблица 2. Корреляция между двумя классификациями

		Выделяемые Всемирным банком группы стран по подушевому ВНД				Итого
		С низкими доходами	С низкими средними доходами	С высокими средними доходами	С высокими доходами	
Секстили стран по подушевому ВВП	1-й	17	0	0	0	17
	2-й	10	15	0	0	25
	3-й	0	16	5	0	21
	4-й	0	12	17	0	29
	5-й	0	0	26	10	36
	6-й	0	0	3	42	45
Итого		27	43	51	52	173

Как мы видим, между выделяемыми Всемирным банком группами стран по подушевому ВНД и выделенными нами шестью секстилями стран по ВВП на душу населения наблюдается очень высокая корреляция (при подсчете ее силы при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена ее уровень достигает 0,924). В целом, все страны первого секстиля оказались принадлежащими к группе стран с низкими доходами по классификации Всемирного банка, большинство стран второго и третьего секстиля – к группе стран с низкими средними доходами, большинство стран четвертого и пятого секстиля – к группе стран с высокими средними доходами, а практически все страны шестого секстиля – к группе стран с высокими доходами.

Это позволило нам присвоить выделенным нам секстилям следующие обозначения, сохраняющие необходимую преемственность с широко принятыми обозначениями Всемирного банка:

- первый секстиль = страны с низкими доходами;
- второй секстиль = первая группа стран с низкими средними доходами;
- третий секстиль = вторая группа стран с низкими средними доходами;
- четвертый секстиль = первая группа стран с высокими средними доходами;
- пятый секстиль = вторая группа стран с высокими средними доходами;
- шестой секстиль = страны с высокими доходами.

Библиография

- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 78–117. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 368–427. М.: Издательство ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 134–210. М.: УРСС.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013. Демократия и революция. *История и современность* 2(18): 15–35.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014. Революция vs демократия. *Полис* 3: 139–158.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. *Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Политические исследования* 4: 34–52.

- Кларк, Г. 2012.** *Прощай, нищета. Краткая экономическая история мира.* М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Коротаев А. В. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко, с. 1483–1489. М.: РСО.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016.** ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* (в печати).
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017а.** ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования: кросс-национальный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 1 (в печати).
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017б.** Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис* 2 (в печати).
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–164. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2010.** Ловушка на выходе из ловушки? К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, с. 159–226. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010а.** К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Динамика африканских обществ: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. Д. Саватеев, И. В. Следзевский, с. 65–80. М.: РГГУ.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010б.** Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36: 101–103.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп.* Т. 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012а.** Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев, с. 28–40. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012б.** Тропическая Африка в мальтузианской ловушке? К моделированию и прогнозированию социально-демографического развития Африки южнее Сахары. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 38: 77–79.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2013.** Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня* 4: 28–35.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2014.** О снижении рождаемости как условии социально-экономической стабильности в наименее развитых странах. *Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 243–263. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8(376): 119–127.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и математика* 9: 43–98.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 210–276. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Слинко Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. 2016.** Промежуточные типы социально-политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 3: 31–51.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 28–76. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования* 4: 137–162.
- Урнов М. Ю. 2008.** *Эмоции в политическом поведении.* М.: Аспект-Пресс.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах.* М.: Прогресс-Традиция.
- Artzrouni M., Komlos J. 1985.** Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41(3–4): 21–39.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive.* Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed: 24.05.2016)

- Boix C. 2011.** Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.
- Brunk G. G., Caldeira G. A. & Lewis-Beck M. S. 1987.** Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.
- Burkhart R. E. & Lewis-Beck M. S. 1994.** Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(4): 903–910.
- Chapman T., Reinhardt E. 2013.** Global Credit Markets, Political Violence, and Politically Sustainable Risk Premia. *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations* 39(3): 316–342.
- Clark G. A. 2007.** *Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collier P. 2007.** *The Bottom Billion*. Oxford: Oxford University Press.
- Cutright P. 1963.** National Political Development: Social and Economic Correlates *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior* / Ed. by W. Polsby Nelson, A. Dentler Robert, Paul A. Smith. Boston: Houghton Mifflin.
- Dahl R. A. 1971.** *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press.
- DiGiuseppe M. R., Barry C. M., Frank R. W. 2012.** Good for the Money International Finance, State Capacity, and Internal Armed Conflict. *Journal of Peace Research* 49(3): 391–405.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006.** Democratic transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.
- Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H. 2000.** Institutional Consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800–1998. *Presented at the annual meeting of American Political Science Association*. Washington, D.C.
- Goldstone J. 2014.** *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldstone J. A. Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Marshall M. G., Lustik M. B., Woodward M., Ulfelder J. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Epstein D. L., Kahl C. H., Surko P. T., Ulfelder J. C., Unger Jr., Unger A. N. 2000.** *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC). URL: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/stfail/>.
- Goldstone J. 2014.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? *Russia Direct*. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L., Korotayev A. 2014.** Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. *Dialectics of Modernity - Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by Endre Kiss. Budapest: Arisztotelész Kiadó (Publisher-house Arisztotelész).
- Groves A. 2016.** Discuss and Evaluate the Relationship between Poverty and Terrorism. *E-International Relations*. URL: <http://www.e-ir.info/2008/01/04/discuss-and-evaluate-the-relationship-between-poverty-and-terrorism/>.

- Gurr T. R. 1974.** Persistence and Change in Political Systems, 1800-1971. *American Political Science* 68(December): 1482–504.
- Huntington S. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Jenkins J. C., Wallace M. 1996.** The Generalized Action Potential of Protest Movements: The New Class, Social Trends, and Political Exclusion Explanations. *Sociological Forum* 11(2): 183–207.
- Kiendrebeogo Y., Ianchovichina E. 2016.** *Who Supports Violent Extremism in Developing Countries? Analysis of Attitudes Based on Value Surveys*. Policy Research Working Paper. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2016/06/02/090224b08438a637/2_0/Rendered/PDF/Who0supports0v0sed0on0value0surveys.pdf.
- Knutsen C. H. 2014.** Income Growth and Revolutions. *Social Science Quarterly* 95(4): 920–937.
- Kögel T., Prskawetz A. 2001.** Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.
- Komlos J., Artzrouni M. 1990.** Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.
- Korotayev A. 2009.** Compact Mathematical Models of the World System Development and Their Applicability to the Development of Local Solutions in Third World Countries. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield, pp. 103–116.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina, pp. 113–134. New Delhi: Narosa Publishing House.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2014.** The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- Korotayev A., Zinkina J. 2015.** East Africa in the Malthusian Trap? *Journal of Developing Societies* 31(3): 1–36.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.
- Londregan J. B., Poole K. T. 1996.** Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.
- MacCulloch R. 2004.** The Impact of Income on the Taste for Revolt. *American Journal of Political Science* 48(4): 830–848.

- MacCulloch R., Pezzini S. 2010.** The Role of Freedom, Growth and Religion in the Taste for Revolution. *The Journal of Law & Economics* 53(2): 329–358.
- Mansfield E., Snyder J. 1995.** Democratization and the Danger of War. *International Security* 20(1): 5–38.
- Marshall M. G., Cole B. R. 2008.** *A Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies*. Paper presented at the 2008 annual meeting of the American Political Science Association. APSA.
- Miguel E., Satyanath S., Sergenti E. 2004.** Economic Shocks and Civil Conflict: An Instrumental Variables Approach. *Journal of Political Economy* 112(4): 725–753.
- Moore B. 1966.** *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Olson M. 1963.** Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History* 23(4): 529–552.
- Parvin M. 1973.** Economic Determinants of Political Unrest: An Econometric Approach. *Journal of Conflict Resolution* 17(2): 271–91.
- Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. 1992.** *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998.** A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.
- Ulfelder J., Lustik M. 2007.** Modeling Transitions to and from Democracy. *Democratization* 14(April): 351–387.
- Vreeland J. R. 2008.** The Effect of Political Regime on Civil War. *Journal of Conflict Resolution* 52(3): 401–425.
- Weede E. 1981.** Income Inequality, Average Income, and Domestic Violence. *The Journal of Conflict Resolution* 25(4): 639–654.
- Wilson K. 2017.** *User's Manual. Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Data-banks International.
- World Bank. 2016a.** GDP per capita, PPP (constant 2011 international \$). *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (accessed: 24.05.2016).
- World Bank. 2016b.** GDP per capita Growth (annual %). *World Development Indicators Online*. Washington DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG>.
- World Bank. 2016c.** *World Bank Atlas Method*. URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/378832-the-world-bank-atlas-method-detailed-methodology> (проверено: 24.05.2016).
- World Bank. 2016d.** *World Bank Country and Lending Groups*. URL <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups> (проверено: 23.10.2016).
- World Bank. 2016e.** *Historical Classification by Income in XLS Format*. URL: <http://data.worldbank.org/data/download/site-content/OGHIST.xls>.